

Евсеева Татьяна Ильинична

Государственный архив Тульской области

**ДЕТСТВО СТРОГОГО РЕЖИМА
(Особенности повседневной жизни детдомовцев
в 1920-е гг. в Тульской губернии)**

Положение детей, охрана материнства и семьи являются одними из важнейших показателей состояния общества. В современной России данная проблема особенно актуальна. 29 мая 2017 г. в нашей стране вступил в силу Указ Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»¹. Если объективно проанализировать современную детскую и молодежную политику, то приходится признать, что два десятилетия рубежа XX и XXI вв. характеризуются постепенной утратой наиболее значимых достижений, которыми гордился Советский Союз: всеобщее обязательное бесплатное среднее образование; диспансеризация и профилактика детских заболеваний; развернутая сеть бесплатных детских кружков и секций при школах, Домах культуры, Домах пионеров и школьников; подавление социальных пороков – детской проституции, алкоголизма и наркомании и т. д. В связи с этим возникает необходимость осознания и обобщения опыта чрезвычайно насыщенного и сложного XX века: что именно было приобретено в сфере охраны детства до революции и в советские годы, а что утрачено; в какой степени отечественный опыт был уникален.

Одной из острых проблем, возникших перед советским государством в послереволюционные годы, была детская беспризорность. В годы Первой мировой и Гражданской войн, в условиях голода и экономического кризиса дети и подростки оказались без крова и заботы со стороны родителей. Беспризорные оккупировали поезда и вокзалы, грабили рынки, ютились в подвалах домов. Особенно много их скапливалось на крупных железнодорожных узлах в Москве и близлежащих к столице региональных центрах, таких как Тула. В первое время проблему беспризорности пытались решить силами государственных органов управления образованием, здравоохранения и общественности. Однако столь серьезная задача государственного масштаба требовала

---

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Правовая система ГАРАНТ. М., 1990–2020. URL: <https://base.garant.ru/71684480/> (дата обращения: 27.04.2020).

создания развернутой сети приемников и распределителей, детских учреждений и подготовки высококвалифицированных кадров для работы с детьми.

Несмотря на то, что детство как специфическая демографическая категория долгое время не было предметом специальных исследований отечественной исторической науки, тем не менее изучение как в целом проблемы охраны детства, так и отдельных ее аспектов в отечественной историографии имеет давние традиции.

Советская историография на протяжении многих лет не была единой, различные ее периоды имеют свою специфику. В частности, особое место в ней занимает так называемая синхронная литература, то есть издания, вышедшие непосредственно в изучаемые годы и являющиеся одновременно и аналитическим осмыслением, и источниками по истории детства². Неоспоримым достоинством советской историографии является, в частности, тщательная проработка нормативно-правовых актов³ и прессы исследуемого периода, а также трудов руководства коммунистической партии и лидеров Советского правительства, имеющих непосредственное отношение к формированию «детской политики»⁴.

Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР – Родина счастливого детства». Данная идеологическая установка определила ракурс исследований, в которых акцент делался на достижениях советской власти в сфере охраны материнства и детства и смягчении либо полном игнорировании наиболее острых проблем, таких, как положение детей «лишенцев» и жизнь детей в ГУЛАГе; влияние на численность беспризорных детей кампании по раскулачиванию, коллективизации и паспортизации населения; голод 1921 г. и чрезвычайно высокая смертность детей в ходе эвакуации их из голодных губерний; высокий уровень хищений и злоупотреблений в советских детских домах; крайне тяжелое положение так называемых «морально-дефективных детей» и т. п. Значительное место в советской историографии по тем или иным аспектам истории детства традиционно занимала тема руководящей роли коммунистической партии⁵, в то

---

² На помощь детям: Общественно-литературный и научный сборник, посвященный вопросам борьбы с детской беспризорностью. 2-е изд. М., 1926; На помощь ребенку: Сборник, изд. Центральным комитетом по организации «Недели беспризорного и больного ребенка», состоящим при Комиссии по улучшению жизни детей ВЦИК. Пг.; М., 1923; и др.

³ Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском гражданском и семейном праве. М., 1955.

⁴ Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с беспризорностью. М.; Л., 1928; Н.К. Крупская о коммунистическом воспитании школьников. М., 1987.

⁵ Арнаутков Г.А. Забота Коммунистической партии и Советского правительства об охране детей и строительстве детских домов в РСФСР в период 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. М., 1952; Герасимова Г.Г. Борьба КПСС и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). (На материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Чех С.М. Мероприятия Коммунистической партии и

время как реальное положение детей нередко оставалось за рамками исследований. Тем не менее, несмотря на всю специфику советской историографии детства, обусловленную ее идеологической направленностью и ограниченностью предмета исследования, работы этого периода заслуживают серьезного внимания современных исследователей.

С конца 1980-х гг., в связи с изменившимися идеологическими ориентирами и переосмыслением истории России в целом, изменилась и оценка политики советского государства в области охраны детства. Советская детская и молодежная политика подвергалась жесткой критике в рамках общей тенденции отрицания советского прошлого. В противовес широко распропагандированному в советские годы клише «СССР – Родина счастливого детства» в литературе 1990-х гг. Советский Союз стали именовать «Государством Неизбывного Сиротства»⁶. Среди исторических работ рубежа XX–XXI вв. особо следует отметить публикации в ежегодниках по социальной истории⁷; работы А.М. Нечаевой⁸ и Е.Б. Бреевой⁹, отличающиеся высоким профессионализмом, взвешенным, объективным анализом, свободным от идеологической предвзятости. Отечественная историография истории советского детства, долгое время развивавшаяся изолированно, становится в этот период неотъемлемой частью мировой исторической науки.

В центре внимания данной статьи – жизнь так называемых «государственных детей», то есть детей, которые по тем или иным причинам были лишены родительской опеки и оказались на попечении государства. Эти дети оказались в рамках определенного, зачастую довольно жесткого, режима, которому были подчинены и их физическое развитие, и личностное формирование. В данном случае под режимом подразумеваются условия, в которых воспитывали детей в детских учреждениях закрытого типа (детских домах):

- продовольственное обеспечение и режим питания;
- система обеспечения детских учреждений всем необходимым помимо продовольствия (включая одежду и предметы личной гигиены для воспитанников, посуду, мебель, топливо, учебные пособия и т. п.);

Советского правительства по борьбе с детской беспризорностью в период 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Киев, 1953.

⁶ Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние. Проблемы. Перспектива. М., 1990. С. 88.

⁷ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастлиное детство» // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 159–204; Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 324–354; Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Там же. С. 486–528.

⁸ Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000.

⁹ Бреева Е.Б. Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь – будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27–29 июня 2002 г. Вологда, 2002. С. 178–181.

– воспитание детей, в том числе: формирование у них навыков самообслуживания, организация досуга и учебного процесса, идеологическое воспитание, воспитательные приемы и система наказаний;

– наличие и осуществление системы контроля выполнения в детских учреждениях соответствующих законодательно-правовых норм, норм питания и обеспечения, профессиональной пригодности сотрудников, а также соответствия методов воспитания идеологическим принципам¹⁰.

Проследить процесс формирования основ режима в советских детских учреждениях можно лишь начиная с 1921 г., когда была создана Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ВЦИК – единый междуведомственный чрезвычайный орган, сосредоточивший в своем ведении все вопросы обеспечения детей и защиты их интересов. До создания Деткомиссии защитой интересов детей и вопросами их обеспечения параллельно занимались несколько ведомств: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР и Совет защиты детей (4 февраля 1919 г. – 25 марта 1921 г.). Четкого разделения функций между этими органами не было ни на практике, ни в теории.

И без того запутанную ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому. Навести порядок в этой сложной многоступенчатой и переменчивой системе был призван созданный в начале 1919 г. в качестве междуведомственного органа Совет защиты детей. Однако за два года своей деятельности Совет так и не смог наладить систематическую работу и не оправдал возложенные на него надежды¹¹. Фактически ситуация сложилась, как в русской поговорке: «у семи нянек дитя без глазу». К 1921 г. в Советской России неизвестны были не только общая численность беспризорных детей и детей, нуждавшихся в устройстве в детские учреждения, но и точная численность детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также численность их воспитанников. Так, по данным отдела социального воспитания (соцвос) к 1 января 1921 г. в Тульской губернии было учреждено 141 детское дошкольное учреждение на 7 253 ребенка¹², а по отчетам Деткомиссии ВЦИК – количество детских домов и детских садов – 203, численность детей в них – 7 144¹³. Сведения о численности детских учреждений нередко предоставлялись без распределения их по разным типам учреждений, что лишает нас возможности определить количество так называемых «детских учреждений закрытого типа». Соответственно, и

¹⁰ Смирнова Т.М. Детские дома и трудовые колонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 17.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹² Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. Р-326. Оп. 2. Д. 1421. Л. 33.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об.

снабжение детских учреждений носило случайный характер, начала плановости в него были внесены лишь после создания в феврале 1921 г. Деткомиссии ВЦИК.

Вплоть до начала нэпа финансирование детских учреждений формально должно было осуществляться государством. Наркоматы продовольствия и здравоохранения с участием Деткомиссии ВЦИК разрабатывали нормы питания. Далее Деткомиссия, исходя из данных, полученных в ходе разнообразных обследований и опросов, составляла заявки на обеспечение детских учреждений необходимым количеством продовольственных пайков. Исходя из этих заявок, отдел культуры Наркомфина составлял проект смет. Средства, необходимые на отопление, ремонт, приобретение санитарно-гигиенических средств, одежды и обуви, расходы на учебные пособия и культурные мероприятия также рассчитывались Наркомфином с учетом заявок Деткомиссии, рекомендаций Наркомпроса и Наркомздрава. В конечном итоге все сметы утверждались ВЦИК и СНК. Таким был паек в одном из учреждений Богородицкого уезда по смете, составленной представителем подотдела охраны детства Тульского губнаробраза:

- хлеб черный – 1 фунт¹⁴;
- хлеб пшеничный – 0,5 фунта;
- мясо или рыба – 0,5 фунта – 1 фунт;
- масло сливочное – 6 золотников¹⁵;
- молоко – 1 бутылка;
- яиц – 2 шт.;
- масло растительное – 6 золотников;
- картофель – 1,5 фунта;
- свежие овощи – 1 фунт;
- мука подправочная – 4 золотника;
- соль – 6 золотников;
- сахар – 6 золотников;
- чай – 1/3 золотника;
- крупа – 0,5 фунта¹⁶.

Однако в реальной жизни в детских домах Тульской губернии мясо и крупы выдавали значительно (иногда в 2 раза) меньше нормы, жиры являлись редкостью. «Питание детей настолько недостаточно, что дети утоляют голод всевозможными почками деревьев, травую и т. п., тайно уходят в деревню и воруют еду», – писал в отчете об обследовании Товарковского детдома № 7 Богородицкого уезда заведующий сектором социального воспитания Ванюков¹⁷. Постоянное недоедание вызывало слабость,

¹⁴ Русский фунт = 409,51 г

¹⁵ 1 золотник = 4,266 г

¹⁶ ГУ ГАТО. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 951. Л. 32–32 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 534. Л. 91 об.

малокровие, снижение иммунитета. Данные о заболеваемости и смертности детей приводятся лишь в редких случаях из-за отсутствия в подавляющем большинстве учреждений их регулярного учета. Местные уполномоченные и работники детских учреждений указывали на снижение умственных способностей и развитие преступных наклонностей у голодающих детей. Неудивительно, что многие дети детским домам и приютам предпочитали улицу. В 1921 г. проверяющие не раз с беспокойством констатировали, что вследствие установившегося в детдоме «крайне ненормального режима» наблюдается массовое бегство детей из детдомов¹⁸.

1921–1922 годы вошли в историю России как период страшного голода, повлекшего за собой тяжелые последствия для Советской Республики. Особенно сильно пострадали дети, и сильнее всего те, которые находились на иждивении государства. Во второй половине 1921 г., в связи с неурожаем, резко возросло число подкидышей, брошенных детей и сирот. Соответственно, с каждым днем возрастал поток прибывающих в детдома детей, нуждающихся в помощи государства. Представители

Воспитанники детского дома при Тульском оружейном заводе – дети, эвакуированные из голодающего Поволжья (Тула, 1922 г.)
В центре – работницы женотделов г. Тулы: Сокольникова Александра Павловна (в белой блузке с галстуком), рядом с ней Бондарикова Клавдия (слева в платочке)

ГУ ГАТО. Ф. П-5682. Оп. 1. Д. 228.

Деткомиссии ВЦИК и Наркомпроса не раз поднимали вопрос о необходимости рассчитать среднее количество ежедневно прибывающих в детдома детей и создать специальный продовольственный фонд для их обеспечения. Однако реализовать эти предложения на практике оказалось невозможно, напротив, количество выделяемых детским учреждениям пайков сокращалось с каждым месяцем.

Одновременно с сокращением количества выделяемых детским учреждениям пайков изменялось и их качество. Состав суточного продовольственного пайка становился все более однообразным и менее калорийным. Постепенно из детского рациона, наряду с овощами, мясом, рыбой, и пшеничным хлебом, практически исчезли молоко, яйца, гречневая, рисовая, манная и овсяная крупы. Наиболее распространенными «блюдами» в детском меню в лучшем случае стали пшенная каша на воде, гороховая похлебка и

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 26. Л. 72.

суррогатный хлеб (из овсяной или ржаной муки с добавлением жмыха и кострицы¹⁹), который, по свидетельству современников, был «непригоден даже для скота»²⁰.

К сожалению, представители органов власти, созданных непосредственно для защиты интересов детей, не всегда добросовестно выполняли свои обязанности, а порой, напротив, использовали свое служебное положение в корыстных целях. Так, множество нареканий было высказано современниками в адрес местных продовольственных комитетов. Местные уполномоченные в отчетах и докладных записках постоянно отмечали плохую работу губернских и уездных продкомов, хищения на их складах²¹.

В ходе обследований детдомов Тульской губернии проверяющие нередко сталкивались с ситуацией, когда воспитанники жили впроголодь, спали на кроватях без матрасов и постельного белья, ходили в обносках, в то время как на складах гнили мешки с мукой, пылились сотни метров неиспользованной мануфактуры или стопки постельного белья и матрасов²². Очевидно, что в условиях голода и эпидемий вопросы морально-нравственного и идеологического воспитания подрастающего поколения отходили на второй план. Основные усилия власти в первое время были сконцентрированы на спасении жизни детей, а также на борьбе с детской беспризорностью и ее неизбежными спутниками – детской преступностью, наркоманией, алкоголизмом, проституцией и прочими асоциальными проявлениями.

В условиях острого жилищного кризиса и экономической разрухи нехватка помещений стала одной из острейших проблем, вставших перед Деткомиссией. Положение с единственным в Туле детдомом для «морально-дефективных детей» было вопиющее, несмотря на возражения прокуратуры, он в целях предоставления помещения для нужд войсковой части был перемещен из г. Тулы за 8 верст по Воронежскому тракту в здание, абсолютно непригодно по своим размерам для детдома. При обследовании детдома 28 декабря 1923 г. оказалось, что не хватает коек, вследствие чего на койках спят по двое; на 10 койках нет досок, и детям приходится спать на железных перекладинах; матрацы грязные, одеяла представляют собой рухлядь, постельного белья вовсе не имеется, две классные комнаты совершенно не оборудованы, имеют запущенный вид нежилого помещения, в столярной мастерской нет ни инструментов, ни материалов;

---

¹⁹ Под кострицей могли подразумевать как траву (кострица луговая и кострица тростниковая), так и древесинные части стебля, которые отпадают при обработке льна и других прядильных растений. Обычно кострица употребляется на топливо, для производства строительных материалов, в бумажном производстве (так как почти на 60% состоит из целлюлозы). В годы голода кострицу нередко добавляли в суррогатный хлеб.

²⁰ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 60. Л. 102.

²¹ Там же. Л. 81–81 об.

²² Там же. Д. 534. Л. 80–81, 101–101 об.

из 25 детей работой заняты только 7; полное отсутствие учебных пособий, недостаточное питание²³.

Впрочем, состояние остальных детдомов г. Тулы было не лучше: дети разбежались, не получая достаточной пищи, и пополняли ряды несовершеннолетних преступников. «Тула изобилует детскими бунтами, которых в 1923 г. было 3, а в 1924 г. – 1. Бунты сопровождались не только разгромом имущества, но и избиением администрации...» – докладывал прокурор при Наркомате юстиции Р.П. Катанян о состоянии детдомов в Тульской губернии²⁴.

Характерный штрих, дополняющий картину борьбы с детской преступностью и беспризорностью в г. Туле, нам дает находящееся в производстве старшего следователя Пузакова дело о трагической смерти девочки в детдоме имени Крупской: девочка сгорела 24 декабря 1923 г., причем в акте обследования этого детдома инспектор губернского отдела народного образования тов. Фирсов констатирует, что состояние помещения таково, что и в дальнейшем «от повторения несчастных случаев уберечься невозможно: так, например, в уборных и комнатах, прилегающих к ним, полы прогнили, и дети с 3 этажа могут провалиться вниз в выгребные ямы, балки и пол висит без опоры»²⁵.

В детском доме № 3 г. Тулы проживал заведующий губнаробразом Гожанский, который вдвоем с женой занимал 5 комнат, ванную и кухню. При этом воспитанники детского дома были вынуждены спать в классах; в единственной детской спальне размещался изолятор, а учебные занятия не проводились вовсе²⁶. Впоследствии, по распоряжению тульского губуполномоченного Деткомиссии Аладышкина, Гожанский был выселен из помещения детского дома и все комнаты были переданы в распоряжение детей. 13 мая 1921 г. по настоянию Деткомиссии СНК РСФСР принял декрет о возвращении всеми ведомствами помещений, занятых ранее детскими учреждениями²⁷. Поскольку механизм воплощения декрета в жизнь разработан не был, а контроль за его выполнением отсутствовал, то на местах декрет от 13 мая 1921 г., как и многие благие начинания тех лет, был попросту проигнорирован. 6 сентября того же года СНК РСФСР принял повторный декрет, обязывавший местные власти предоставить детским учреждениям лучшие помещения, в первую очередь, бывшие имения. На практике исполнение данного декрета зависело исключительно от местных властей и активности представителей местных Деткомиссий. Доходило до полного абсурда, когда детей выселяли сами органы власти, в непосредственные обязанности которых входила помощь детским учреждениям. Так, в Туле здание бывшей Тульской мужской классической

²³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 12. Оп. 1. Д. 725. Л. 60.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 60 об.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 72. Л. 20 об.

²⁷ Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 47. Ст. 231.

гимназии было передано батальону ВЧК, в то время как 1 500 тульских детей не смогли пойти в школу из-за отсутствия школьных помещений²⁸. В то же время Тульский детский дом физической культуры был захвачен Главполитпросветом для размещения там своего клуба. Очевидно, что противостоять ВЧК или Главполитпросвету работники Деткомиссии были не в состоянии, несмотря на то, что ее председателем был сам председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

В наихудших условиях оказались учителя и воспитатели детских учреждений закрытого типа. При этом условия работы в таких детских домах и учебных заведениях при них были крайне тяжелыми: тотальный дефицит всего необходимого, включая помещения, перегруженность детских учреждений воспитанниками, высокая заболеваемость как детей, так и воспитателей, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и т. д. Сотрудники детских учреждений делились в основном на две категории: энтузиасты своего дела и случайные люди, в число которых входил и уголовный элемент. Первых, к сожалению, оказалось меньшинство. Подавляющую часть персонала детских домов составляли люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи. Среди них были и бывшие преподаватели, и выходцы из духовенства, которые по тем или иным причинам не смогли устроиться в школы и были вынуждены работать в детских домах. Среди тех, кто устраивался на работу в детдома и интернаты не по призванию, а в «поисках хлебного места», в те годы было немало не просто неквалифицированных работников, но и лиц, не отягощенных нравственными принципами, – лодырей, пьяниц и откровенных аферистов и воров²⁹. В результате в детдомах еще более широкое распространение приобрело воровство продуктов и вообще всего, что можно было украсть у «государственных детей», включая матрасы и кровати; а лучшие комнаты детских домов либо отдавали персоналу, либо администрация сдавала их посторонним лицам, присваивая себе полученные от аренды средства.

Тяжелое положение детей было вызвано переводом детских учреждений на финансирование из местного бюджета в 1923–1924 гг. Это привело к закрытию многих детдомов и вынужденному сокращению численности детей в детских учреждениях закрытого типа³⁰, что фактически привело к их «выбрасыванию» на улицу. В ходе периодически проводимых «разгрузок» детских учреждений работники детдомов разыскивали родителей и родственников своих воспитанников, чтобы передать детей им на попечение. Однако найденные родственники нередко находили причины, якобы не позволяющие им взять ребенка на свое содержание.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 72. Л. 75.

²⁹ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3962. Л. 51, 55, 65, 104–106.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 534. Л. 100.

К сожалению, как свидетельствуют документы, работники Деткомиссии, местные уполномоченные, их добровольные помощники и руководители детских учреждений, которые искренне переживали за свое дело и не жалели сил на борьбу за спасение детей, зачастую оказывались в этой борьбе в одиночестве. Вопреки ожиданиям они не только не встретили понимания и помощи, но нередко были вынуждены преодолевать открытое противодействие как местных властей, так и многих работников центрального аппарата, постоянно сталкиваясь с их равнодушным отношением к детям. Уполномоченный Аладышкин работу своих коллег назвал «хождением по мытарствам», подчеркнув, что «хождения» эти в большинстве своем оказывались совершенно бесполезными: «уполномоченные бегали, высунув язык, и видели, что размениваются на мелочи и делают не то, чтобы им должно делать»³¹, так как все силы уходило на борьбу с волокитой и грубостью.

Воспитанники детского дома «Красный оружейник» с представителями Тульского губернского отдела народного образования и активными участниками борьбы с детской беспризорностью (Тула, 1925 г.)

ГУ ГАТО. Ф. П-5682. Оп. 1. Д. 73.

«Мытарствами» назвал работу Тульского городского отдела народного образования один из его сотрудников Кузьмин. По его словам, работникам отделов народного образования приходилось все необходимое для детских учреждений доставать своими силами, так как их запросы оставались неудовлетворенными, «к ним руководство было глухо, благоустройство хозяйственной жизни детских учреждений его мало интересовало, оно им чуждо»³². Отсутствие транспорта, например, приводило к тому, что

дети получали продукты уже испорченными.

С середины 1920-х гг. ситуация начала медленно меняться в лучшую сторону, что позволило сотрудникам детских домов больше внимания уделять воспитательной работе. Однако улучшение ситуации было медленным, нестабильным и носило не повсеместный характер, затрагивая лишь отдельные уезды или единичные детские учреждения, руководство которых проявляло особую инициативу и личную заинтересованность в судьбах своих воспитанников.

³¹ ГУ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1068. Л. 1–2.

³² Там же. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 534. Л. 100.

В целом по Тульской губернии положение воспитанников детдомов оставалось крайне тяжелым. В отчетах и актах об обследованиях детдомов фиксируются все те же нарушения и те же сложности в работе, что и в первой половине 1920-х гг.: «финансируются детские дома преступно», «отпускаются средства с большими перебоями», белье и одежда у воспитанников рваные и грязные, нет обуви; посещение бани – не чаще одного раза в три недели; «нет организации разумного детского досуга», «отсутствие общественно-политического воспитания», «нет связи с общественностью»; «воспитательной работы как системы нет, 1 раз в неделю проводятся читки книг»; плохое состояние учета и отчетности в детдомах, «преступное отношение к детям», халатность и злоупотребления персонала детдомов и т. п.³³

Безусловно, в жизни воспитанников детских домов тех лет были и светлые моменты. Известно немало примеров искренней заботы персонала детских учреждений о своих подопечных. Было бы несправедливо полностью отрицать все то положительное, что было сделано в этот период для детей, многие из которых впервые почувствовали себя полноправными гражданами общества, благодаря существовавшим в те годы эффективным социальным лифтам они смогли получить образование и профессию, успешно социализироваться в обществе после выпуска из детского дома³⁴.

Как видно из документов, в ряде обычных детских домов или в детдомах для морально-дефективных детей режим мог оказаться более строгим, чем в детских колониях для трудновоспитуемых детей и юных правонарушителей. Роль личного фактора оказалась более значимой, чем ведомственное подчинение детского учреждения и его тип. Истинные условия жизни так называемых «государственных детей» зависели не столько от норм и правил, постановлений и инструкций, сколько от пресловутого субъективного фактора: от энтузиазма, профессионализма и элементарной порядочности руководства и воспитательно-педагогического коллектива детских учреждений, от ответственности, заинтересованности и энергии местного партийного руководства. Даже снабжение детских домов, качество питания их воспитанников, не говоря уже о психологической атмосфере, – все это зависело, в первую очередь, от личной инициативы, «пробивной сноровки», энергии и предприимчивости работников детдомов, от их отношения к своим подопечным. Этим объясняется и крайне пестрая картина повседневной жизни воспитанников детдомов: в одних детских домах дети успешно учились, занимались спортом или музыкой, в специальных мастерских получали профессиональные навыки, что позволило им в дальнейшем успешно социализироваться

³³ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 60. Л. 101–103; Д. 534. Л. 12–12 об.

³⁴ Достаточно вспомнить воспитанников А.С. Макаренко, многие из которых стали инженерами, журналистами, воспитателями и руководителями детских учреждений, научными работниками, героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны (гвардии старший лейтенант А.Г. Явлинский, гвардии капитан летчик П.С. Мазуренко, подполковник гвардейских танковых войск Г.А. Супрун и многие другие).

в обществе. В других детских домах жизнь воспитанников мало отличалась от жизни беспризорников: дети ничему не учились, курили, пьянствовали, воровали, употребляли наркотики, драки и проституция были обычным явлением. Третью наиболее многочисленную группу детских домов составляли детские учреждения, повседневная жизнь воспитанников в которых составляла некий промежуточный вариант – была далека от желаемого идеала, но давала детям шанс выжить, получить образование и в дальнейшем трудоустроиться и так или иначе, с большим или меньшим успехом, но все же социализироваться в обществе.

Оценивая итоги и значение первых лет работы Деткомиссии и советской «детской политики» послереволюционных лет в целом, необходимо учитывать объективные трудности того периода, делающие решение многих поставленных задач просто невозможным. Нельзя забывать, что работа по созданию системы органов охраны и защиты детства была начата в крайне тяжелых условиях послевоенной разрухи, разрушения всей инфраструктуры системы охраны детства, экономического кризиса, социальной и политической нестабильности, при отсутствии опыта, средств, кадров. В то же время нельзя не отметить, что в этот период охрана детства получила государственный статус, помощь детям отныне не зависела от прихоти и воли богатых благотворителей, а стала неотъемлемой частью государственной политики.